

Моей маме

BUTTS

A BACKSTORY

Heather Radke

AVID READER PRESS

New York • London • Toronto • Sydney • New Delhi

Взгляд назад

культурная
история
женских
ягодиц

Хизер Радке

Перевод с английского

АНО
АЛЬПИНА НОН-ФИКШН

Москва, 2025

УДК 611.9-055.2
ББК 28.706.324:71
Р27

Переводчик МАРИЯ ЕЛИФЁРОВА
Редактор АННА ЕФИМОВА

Радке Х.

Р27 Взгляд назад: Культурная история женских ягодич /
Хизер Радке. — М. : Альпина нон-фикшн, 2025. —
374 с.

ISBN 978-5-00139-666-6

Зад, задница, пятая точка, попа — практически в любом языке найдется впечатляющий набор определений и эвфемизмов для этой выдающейся части тела. Отдавая должное ее месту и значению в культурной истории, американская журналистка Хизер Радке посвятила свою дебютную книгу «Взгляд назад» женским ягодичам. И не прогадала. И фундаментальная наука, и колониальный дискурс, и расовые предрассудки, и популярная культура, и этика, и эстетика оказались вовлечены в орбиту притяжения... женского зада. Полемичная и остроумная книга Радке затрагивает массу остроактуальных вопросов и проблем, расхожих клише и вредоносных стереотипов и позволяет взглянуть на этот культурный феномен другим взглядом и с нового ракурса.

УДК 611.9-055.2
ББК 28.706.324:71

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в интернете и в корпоративных сетях, а также запись в память ЭВМ для частного или публичного использования, без письменного разрешения владельца авторских прав. По вопросу организации доступа к электронной библиотеке издательства обращайтесь по адресу mylib@alpina.ru

ISBN 978-5-00139-666-6 (рус.)
ISBN 978-1-9821-3548-5 (англ.)

© Heather Radke, 2022
The original publisher
is Avid Reader Press, an Imprint
of Simon & Schuster, Inc.
© Художественное оформление, макет.
ООО «Альпина нон-фикшн», 2025

Содержание

ВВЕДЕНИЕ	7
ПРОИСХОЖДЕНИЕ	27
Мышцы	29
Жир	45
Перья	51
СААРТИ	65
Жизнь	67
Наследие	92
ФОРМА	105
Большая	107
Маленькая	123
НОРМА	145
Создание	147
Тиражирование	161
Сопротивление	173
ФИТНЕС	183
Сталь	185
Радость	207

BOOTYLICIOUS	219
Кейт.....	221
Микс.....	226
Дженнифер.....	244
Ким.....	259
 ДВИЖЕНИЕ	 277
Тверк.....	279
Майли	288
Год попы	298
Рекламация.....	303
 ЗАКЛЮЧЕНИЕ	 313
 БЛАГОДАРНОСТИ.....	 319
ПРИМЕЧАНИЯ.....	323
ПРЕДМЕТНО-ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ	366

Введение

Первая запомнившаяся мне попа — не моя собственная. Это была попа моей мамы. В семь лет я садилась на пушистое сиденье унитаза в ванной у родителей и смотрела, как мама совершает утренний туалет, стоя перед зеркалом в лифчике и трусах и натирая тело лосьоном. Она накручивала свои короткие каштановые волосы на бигуди: толстые розовые на макушке, зеленые поменьше — по бокам. Открывала окно, чтобы выпустить из ванной пар после душа, и мичиганский утренний воздух — холодный и разреженный — будил меня. Говорила мне закрыть глаза. Я закрывала, и мама щедро опрыскивала свои волосы лаком. Я задерживала дыхание, боясь липкого удушья. Затем она снимала очки и, отключив попу, наклонялась ближе к зеркалу над умывальником, чтобы подкрутить ресницы.

В детстве я видела только одно голое взрослое тело — своей матери. Я думала, что у всех женщин тело как у нее: невысокое и красивое, с полными грудями и объемистой попой, на которой любые штаны сидят в обтяжку. Мне нравилась мысль, что когда-нибудь мое собственное тело станет таким же — это

казалось мне столь же неизбежным, как увеличение роста или первая менструация. Во время своих утренних омовений мама была прекрасна и свободна.

Ясный взгляд ребенка позволял мне воспринимать мамину попу как то, чем она и была в действительности, — как часть тела, такую же, как и все остальные; любимую, потому что я любила человека, которому эта попа принадлежала. Попа не была ни проблемой, ни преимуществом. Она была просто фактом.

Тогда я еще не знала, что с попами не все так просто. Они не похожи на локти или колени — функциональные части тела, которые не ассоциируются ни с чем особенным, кроме своей физиологической роли. Попа же — при всей своей кажущейся бесхитростности — это необычайно сложный символ, полный смыслов и их оттенков. Попа символически связана с сексом, стыдом и целым рядом исторических нарративов. Женская попа использовалась как средство создания и подтверждения расовых иерархий, как способ оценить трудовые добродетели и как мера сексуального желания и доступности. Вопреки (или благодаря) тому факту, что форму и размер попы трудно радикально изменить, не прибегая к хирургическому вмешательству, они с давних пор воспринимаются как отражение сущности женщины — ее нравственность, ее женственность и даже ее принадлежность к человеческому роду.

Но попу сложно воспринимать объективно. Она находится у нас сзади, и это означает, что собственная попа до какой-то степени чужда нам, пусть даже ее отлично видят другие. Чтобы разглядеть свою

попу, вам нужны конструкция из зеркал в примерочной, неловкие манипуляции с ручным зеркальцем в спальне или неуклюжая эквилибристика со смартфоном. А когда этот трюк удастся — по крайней мере, когда мне удастся увидеть мою попу, — всегда возникает легкое изумление: *так вот это, оказывается, у меня сзади?* В этом есть нечто унижительное — ведь мы никогда не знаем, что видят другие, смотря на нашу попу, и это делает нас уязвимыми. Есть здесь и элемент самоотдачи: в некотором смысле попа гораздо больше принадлежит созерцателю, чем созерцаемому. На нее можно украдкой бросить взгляд, ее можно разглядывать влюбленными глазами или рассматривать с нездоровым интересом. Чтобы узнать, как на мне сидят брюки, я должна спросить об этом продавца, ведь сама я не вижу свою попу. На улице женщина проходит мимо мужчины. Он оборачивается, чтобы посмотреть на ее попу. Прохожие могли заметить этот жадный взгляд, но сама женщина его не видит. Она не осознает, что ее оценивают, критикуют, объективируют, хотят.

Даже слова, обозначающие наш зад, противятся ясности. Термины, которые мы используем, — это всегда эвфемизмы, а не точные названия. В детстве я называла массу плоти, расположенную на задней поверхности моих бедер, попой. Это детское слово, слово, которое часто произносит ваш несносный брат: «У тебя не голова, а попа! У тебя лицо как попа!» Смешная идея — попа вместо лица, — но человека старше 10 лет это уже не слишком обижает. Слово «попа» забавное, и этот юмор мягок, привычен и невинен. Человек поскользнулся и шмякнулся на попу — все хихикают.

Если бы слово «попа» было звуком, это был бы звук клоунской дудки — или, возможно, пук.

Став старше, я начала экспериментировать с другими обозначениями попы. Слово «задница» казалось несколько взрослее и неприличнее — его мы относили к категории ругательных. Но это мягкое ругательство, наименее оскорбительное. По телевидению можно говорить «задница», но нельзя говорить «жопа». Для обозначения этой части тела существует и много других терминов: в Англии говорят «бам», на идише попу называется «тухес». Иногда люди подпускают интеллектуализма и французскости, называя ее *derrière*. Сегодня в желтых газетах, которые продают в продуктовых магазинах, и в ток-шоу попу обычно зовут «булками» или *badonkadonk* — это слова, пришедшие из рэпа и кантри. Они отсылают к сексу и расовым вопросам и имеют коннотацию «глупости». Кроме того, есть целая группа слов, описывающая попу с точки зрения физического расположения: «тыл», «место пониже спины», «откуда ноги растут», «пятая точка».

Но какое слово правильное? Основное? Есть ли у нас нейтральный термин для обозначения «пухлой, мясистой части тела, на которой сидят»? Можно сказать «титьки», «сиськи» и «буфера», но нам известно «официальное» слово — *грудь*. Мы можем назвать мужской половой орган «хреном» или «шлангом», но есть «правильное» слово, и это слово *пенис*. Если мы говорим о попе, самым очевидным кандидатом на роль «правильного» нейтрального термина кажется слово *ягодицы*, но в реальной жизни так мало кто говорит. Вы не скажете после тяжелой работы «у меня ягодицы болят», не скажете «мои ягодицы

не очень-то смотрятся в этих брюках». Однажды, подумав, что подходящий термин найдется в медицинском лексиконе, я спросила приятеля-хирурга, как называют эту часть тела его коллеги. Он ответил, что колоректальные хирурги — те, кому чаще всего случается говорить о попах, — используют слова типа *зад* и *тыл*. Один его знакомый хирург употребляет наукообразное выражение *анальное отверстие*, имея в виду дырку; другой неизменно называет попу «бампером». Даже в медицинских кабинетах звучат эвфемизмы. У мышцы попы есть научное название — *gluteus maximus*, большая ягодичная, — но этот термин описывает только жилистый пучок волокон, тянущийся от тазовой кости к бедру. Слой жира поверх него именуется ягодично-бедренной жировой массой. Но так тоже никто не говорит.

У нас не прямые, эвфемистические отношения с собственной попой (я остановилась на этом слове, так как оно кажется мне наиболее непосредственным), поэтому наши представления о ней зачастую больше говорят о созерцателе, чем о созерцаемом: смысл определяется тем, кто смотрит, когда смотрит и почему. По словам историка Сандера Гилмана, «ягодицы имеют вечно изменчивое символическое значение. Они ассоциируются с репродуктивными органами, отверстием для дефекации, а также, если речь идет о походке, с механизмом локомоции. Ягодицы никогда не представляют сами себя»¹.

Эта особенность — тот факт, что попа никогда не представляет сама себя, — делает ее специфическим и специфически привлекательным объектом для изучения. Так как набор символических

значений, связанных с попой, непостоянен и изменчив, их просеивание и анализ могут чрезвычайно многое рассказать нам о целом ряде других вещей: о норме, о том, что считается привлекательным, а что — отталкивающим и аномальным. Восприятие попы — это индикатор: чувства, которые человек испытывает по отношению к ней, почти всегда указывают на его понимание проблем пола, гендера и расы.

У каждого из нас собственная история переживания взросления тела. Моя, подобно фотоальбому, складывается из разрозненных воспоминаний о том времени, когда я ощутила, что мое тело видят другие. Но самые ранние мои воспоминания о собственном теле относятся к периоду, непосредственно предшествующему половому созреванию. Тогда мои мышцы и конечности казались мне чем-то прочным и полезным, а не подлежащим оценке. Я носилась на велосипеде по всей округе, слетала на нем вниз с горки и чувствовала, как мне в ноздри бьет влажный летний ветер. Как-то июльским днем я перелетела кувырком через руль, ободрала об асфальт лоб и щеки и порвала уздечку, соединяющую губу с десной. Кровь залила весь тротуар, а потом и кухню, где я, болтая ногами, сидела на столе, пока мама прикладывала лед к моей губе. На следующее утро я в фиолетовой балетной юбочке из полиэстера ела овсяные хлопья, готовая снова кататься на велосипеде. Отец сфотографировал меня за кухонным столом,

веселую и улыбающуюся. Я не была особенно храброй, но воспринимала свое тело как нечто, что вырастет, выздоровеет, будет двигаться. К тому времени, когда пленку проявили, на моем лице осталось всего несколько корочек от заживающих царапин.

В восемь лет я как-то пошла с подругой в спортзал ее родителей, чтобы поплавать в бассейне. Так я впервые в жизни оказалась в раздевалке, полной женщин различной степени обнаженности. Там было столько тел, что мне, еще не умевшей классифицировать, ранжировать и оценивать их как красивые или некрасивые, оставалось лишь наблюдать. «Грудь бывает такой формы? — думала я, увидев тело, непохожее на мамино. — Бедро бывает узким? Попы бывают тощими?» Мне казалось, что с женщинами в раздевалке что-то не то. Одетые, они выглядели привычно, но под одеждой у них скрывались всевозможные странности и разнообразие форм.

Мне было девять, когда мы с подругой катались на велосипеде по кварталу, по которому обычно наматывали круги. Вдруг двое мальчишек закричали нам что-то из кустов. «Классные попки!» — услышали мы. Замечание обидное, но было в нем и что-то еще. Оно пробудило во мне некое новое и опасное чувство — как мне теперь известно, ту особенную тревожность, которая возникает, когда твое тело разглядывает и комментирует незнакомый мужчина.

В том факте, что они высказались о наших попах без приглашения, было что-то неуютное и странное. Попа была не той частью тела, которая, на мой взгляд, могла казаться *классной*. Я знала, что некоторые части тела считаются красивыми и сексапильными

и привлекают других, но мне не приходило в голову, что попа в их числе. Казалось, что эти мальчишки застали нас со спущенными штанами — как будто они увидели наши попы голыми по какому-то смешному и унижительному недосмотру. Мы с подругой поехали ко мне домой и рассказали моим родителям, что случилось. Родители каким-то образом умудрились выследить этих ребят — подростков со скейтами в футболках фанатов хеви-метала — и поговорили с ними о непристойности кэтколлинга*. Мальчишки нервно отговаривались тем, что кричали «Классные велики**!». Я помню, что снова смутилась. Конечно, попа — не та часть тела, которая бывает классной. И уж точно не та, о которой можно кричать на улице.

К средней школе я стала отличаться от остальных девочек в раздевалке. Не то чтобы я была *жирной* — определение, которое в пыльных коридорах Кинавской средней школы*** было самым страшным клеймом, — но я определенно выглядела как-то не так. Мое тело медленно становилось похоже на мамино: я раздалась в бедрах, попа у меня выросла. Стоя перед огненно-оранжевыми шкафчиками, я больше не испытывала благоговения перед разнообразием женских тел; теперь мне было ясно, что существуют правильные тела и мое или мамино тело точно нельзя было считать таковым.

* Кэтколлинг — словесные домогательства, комментарии с сексуальным подтекстом в публичных местах от незнакомых мужчин. — *Здесь и далее примечания редактора, если не указано иное.*

** *Bikes* вместо *butts*. — *Прим. пер.*

*** Kinawa Middle School находится в Окемосе (штат Мичиган).

Примерно в то же время учителя физкультуры поделили классы на девочек и мальчиков для занятий плаванием в обветшалом и перехлорированном школьном бассейне. Видимо, чтобы уравнивать классовые различия, школа снабдила нас черными купальными костюмами из хлопка, который почти не растягивался. Мы вытаскивали их из пластиковых серых корзин, расставленных по размеру; купальники были порядком застираны и заношены поколениями учениц, нервно дрожавших в них на краю бассейна. Размер купальника определялся по метке: купальники с желтыми метками были самые маленькие, для девочек с еще детским телом, с оранжевыми, самыми распространенными, предназначались девочкам, которые уже созрели, но еще не совсем округлилась. Красная метка означала большой размер, а белая — самый большой. Это были купальники для девочек с уже развившейся грудью, попой, бедрами и животом. Для *основательных* девочек. Черная материя, покрывавшая нас от подмышек до середины бедер, растягивалась и обвисала при намокании. На моем купальнике была красная метка, и я страшилась грозившего мне призрака белой. Я задавалась вопросом, что это будет значить для моего тела, моей привлекательности, моего места в мире.

В старших классах я столкнулась с еще более конкретным свидетельством того, что с моим телом что-то не так. Сама я едва могла пробежать милю, но время от времени общалась с командой десятиклассниц по марафонскому бегу и ходила на их предмарафонские ужины со спагетти, где мы наваливали себе на тарелки липких макарон с баночным

красным соусом и сплетничали о школе. На одном из таких ужинов подруга отвела меня в сторонку, чтобы рассказать секрет — из разряда «только никому не говори». На тренировке она подслушала, как одна девочка жалуется другой, что растолстела. Что у нее слишком полные бедра. Вторая засмеялась и сказала: *«По крайней мере, у тебя не такая большая попа, как у Хизер»*.

Я содрогнулась. Я представила себе, как стройные, сексапильные блондинки из марафонской команды злорадно смеются над известной всем истиной: у Хизер Радке и в самом деле большая попа. И они ужасно рады, что они не такие.

История моих взаимоотношений с собственным телом не драматична. Она интересует меня главным образом потому, что кажется довольно типичной. Не было ни безжалостной травли, ни заметных расстройств пищевого поведения — ничего, кроме заражающего мозг чуть ли не каждой семиклассницы чувства стыда, этого адского обряда инициации, через который столь многим из нас пришлось пройти, чтобы стать полувзрослыми. Как будто ранжирование тел — и все сопутствующие ему унижения и сомнения в себе — это нормально, даже естественно. Как будто тело на самом деле может быть лучше или хуже.

О сексуальной привлекательности своей попы я впервые услышала в 2003 г., когда мне было двадцать. Это были летние каникулы, и я разливала

эспрессо за стойкой кофейни в одном из университетских городков Среднего Запада. На мне была темно-синяя плиссированная юбка из полиэстера и дешевая желтая футболка, у которой я вырезала горловину, пытаясь придать ей более панковский вид. Мои волосы были собраны в пучок; крупинки кофе прилипли к потной шее. Со школы моя попа выросла еще больше. Все брюки сидели на мне странно, болтаясь на талии и плотно обтягивая попу — с 8-го размера я перешла на 10-й, потом на 12-й и 14-й*. Если компании нужно было втиснуться вчетвером на заднее сиденье машины, я признавалась, что у меня слишком большая задница и кому-то придется сидеть у меня на коленях. Однажды мой коллега по кофейне — парнишка, тайно сочинявший песни, хвастливый и склонный к флирту, — спросил меня: «Ты знаешь, кто такая Каллипига?» Я знала. Я учила это к экзаменам и все еще помнила тему, заставившую меня краснеть. Греческое слово. Означает «с прекрасными ягодицами». Наверное, историки искусства используют его для описания статуй. «Ты, милая, Каллипига», — сказал мне поэт. Говорил он неловко, фраза казалась заученной, словно он пробовал на вкус слово не из своего словаря. Тем не менее я была по-настоящему тронута. Он надо мной не смеялся. Похоже, это был искренний комплимент.

Он был первым из череды встреченных мною с тех пор людей, которые рассматривали мою большую попу не как недостаток, а как достоинство. Она стала частым объектом кэтколлинга; словом на устах

* Соответствует российским размерам 40, 42, 44 и 46.

любовников, которое шептали мне на ухо; частью моего тела, на которую оглядывались незнакомцы и которую комментировали мужчины на работе. Иными словами, я начинала осознавать, что моя попа была — или стала, а я и не заметила как — сексуальным объектом, чем-то, что другие люди (некоторые; безусловно, не все другие люди) находят желанным.

И люди эти почти всегда были мужчинами. Хотя я небинарный человек, перемена в отношении к моей попе была продиктована гетеросексуальной мейнстримной культурой. Мою попу комментировали и женщины, но в основном гетеросексуальные. Они перепевали глянцевого журналы и представляли собой осовремененный, вывернутый наизнанку вариант девчонки из марафонской команды, радовавшейся тому, что ее попа не похожа на мою.

Я внушала себе, что то, что другие люди — особенно мужчины — думают о моем теле, не имеет значения, но на самом деле это было не так. Внезапно часть моего тела, которая казалась стыдной и уродливой, стала тем, что больше всего нравится во мне некоторым людям. Пусть я не хотела, чтобы мною восхищались только из-за моего внешнего вида, но я, безусловно, хотела, чтобы мое тело нравилось другим. Как все люди, я желала быть желанной. И было приятно стать желанной для людей, которые когда-то заставляли меня стыдиться.

Теперь мне интересно, каким образом мои сверстники в старших классах пришли к заключению о том, что мое тело не относится к «хорошим» телам? И почему через десять лет многие из них

стали воспринимать его прямо противоположным образом? Как возможно, что значение попы изменилось столь радикально и столь быстро? Как может одна часть тела значить столь много разных вещей для столь многих разных людей? Эти вопросы и подвигли меня на исследования, которые легли в основу этой книги.

До того как стать писательницей, я некоторое время работала куратором в Халл-Хаус, доме-музее Джейн Аддамс* в Чикаго, который функционирует в том числе как арт-пространство и место собраний городских активисток. При подготовке выставок моя задача состояла в том, чтобы знакомить публику с фактами и историями, которые помогают объяснить значимые сдвиги в нашей культуре. У этой книги похожая задача: я познакомлю вас с персонажами из прошлого и настоящего и на примере конкретных сюжетов покажу, как менялось значение попы в Западной Европе и США в последние два столетия.

«Взгляд назад: культурная история женских ягодиц» — попытка размотать клубок символических значений, приписываемых этой загадочной части тела, и понять, как эти значения менялись с течением времени и продолжают развиваться в настоящем. Подход у меня исторический и хронологический, но начнем мы с естественно-научной основы:

* Джейн Аддамс (1860–1935) — американский социолог и философ, общественный деятель, лауреат Нобелевской премии мира.

чем именно является попа с точки зрения анатомии и физиологии? Попы существовали всегда, но отправная точка моих рассуждений — история Саарти Бартман, прозванной Готтентотской Венерой; то, как жестоко и пошло ее выставляли напоказ при жизни и после смерти, сыграло ключевую роль в нашем восприятии попы в последние двести лет. Затем я обращаюсь к XX и XXI векам, загляну в историю моды, науки, спорта и популярной культуры, расскажу о людях, которые сформировали наши представления о попе: иллюстраторе, создавшем гибкий силуэт девушки-флэппера; модели, чья попа используется как образец чуть ли не для каждой имеющейся в продаже пары брюк; художнике-евгенисте, который создал скульптуры «нормальных» мужчины и женщины; изобретателе аэробики; драг-квинах, использующих накладные попы, и фитнес-инструкторшах, которые преподносят спорт как форму сопротивления и способ получать удовольствие. В конце я проанализирую восприятие попы в последние тридцать лет — в эпоху, когда большая попа постепенно интегрировалась в мейнстримный европейский идеал красоты, а апроприация африканских тел и культуры достигла нового пика.

Проект такого рода никогда не сможет охватить все. Он не сможет подступиться к ответу на вопрос о том, каковы история и значение каждой попы. В своей книге я сосредоточиваюсь на истории и символике женской попы по той простой причине, что

я женщина и меня интересует, как конструируется, пересобирается и вновь утверждается во времени женская идентичность.

Мое исследование посвящено исключительно *попе* — двум выступающим полушариям мышц и жира между поясницей и бедрами. Существует немало отличных книг об анусе и прямой кишке, а также их многочисленных смыслах и функциях, но ни анус, ни прямая кишка не являются объектом моего изучения. Между символическими значениями попы и ануса существует связь, но женская попа часто отсылает к своим собственным, отдельным областям значений, не обязательно связанных с разнообразными функциями ануса (сексуальными или иными).

Меня интересует в первую очередь восприятие и репрезентация попы в господствующей западной культуре — культуре тех, кто обладает политической и экономической властью, тех, кто доминирует в популярных медиа и в наибольшей степени отвечает за создание, распространение и подкрепление норм и трендов. То есть часто я анализирую то, каким образом представители западной культуры, гетеросексуалы и мужчины (недо-)понимали культурные нормы и навязывали их женщинам всех рас. Также я рассматриваю символические значения, которые эти люди приписывали женскому телу в ходе истории. Конечно, гетеросексуал, мужчина или европеец — это общие категории, которые могут подразумевать бинарность там, где ее на самом деле нет, ведь опыт существования внутри тела всегда конституирует множественные, пересекающиеся

идентичности. Однако зачастую именно люди, идентифицирующие себя как мужчины, гетеросексуалы и/или носители западной культуры, обладали властью приписывать смыслы женской попе, поскольку именно они находились в позиции силы.

Я решила сосредоточиться на этих мейнстримных представлениях потому, что хочу понять, откуда берутся предрассудки насчет женской попы, и внятно проговорить все эти вещи. Белые, мужчины и гетеросексуалы традиционно имели большое влияние на науку, политику, медиа и культуру, поэтому они могли изобретать и навязывать другим представления о норме и девиации, о том, что нормально, а что маргинально. Присмотревшись внимательнее к тому, как власть имущие конструируют эти значения, я надеюсь пролить свет на причину, по которой женщины испытывают так много — и таких противоречивых — чувств по отношению к собственной попе. Я хочу разобраться, почему женская попа стала значить так много, хотя вполне могла бы не значить ничего.

В ходе исследования я постоянно обнаруживала, что разговор о попе почти всегда является одновременно и разговором о расовой проблематике. С первых дней колониального освоения Африки европейские путешественники и ученые стали пользоваться различными псевдонаучными теориями об африканках с большими попами, чтобы выстроить расовые иерархии и стереотипы (я имею в виду прежде всего устойчивый миф о гиперсексуальности черных женщин). Этот набор идей широко распространился после смерти Саарти Баартман в начале

XIX столетия. И «черная женственность», и «белая женственность» — это концепции, основанные на расовых стереотипах, которые были созданы учеными XVIII–XIX вв., и эти концепции оказывают влияние не только на черных и белых женщин, но и на женщин всех рас. Именно поэтому моя книга так часто оказывается исследованием в первую очередь расовых проблем.

Разумеется, мои знания о культурных смыслах попы в неевропейских обществах или у народов прошлого взяты из научных сообщений и исследований, а не почерпнуты из личного опыта. Мой опыт переживания своего тела специфичен, и стыд, который я испытывала из-за своей попы, обусловлен конкретным культурным и социальным контекстом, в котором я росла. Этот контекст вовсе не универсален. Многие люди, с которыми я беседовала, собирая материал для этой книги, любят свои попы и росли с совсем другими представлениями о том, как выглядит идеальное тело. На страницах своей работы я стараюсь предоставить слово тем, кто может рассказать об опыте переживания тела, отличном от моего собственного. В основном я проводила интервью с женщинами и небинарными людьми разного происхождения. Однако в итоге это личная книга. К ее созданию меня подтолкнул поиск ответов на те связанные с попой вопросы, которые интересуют меня больше всего: вопросы гендера, расы, власти, физической формы, моды и науки. Моя книга не энциклопедия поп, она не претендует на всеохватность. Это не последнее слово по данной теме — существует множество увлекательных

областей исследований попы, которые здесь не затронуты. Надеюсь, что я, не только исследовав исторический контекст, но и открыто рассказав о своем личном опыте и чувствах, смогу непредвзято взглянуть на собственное тело и помочь другим увидеть, что неназываемое и невысказанное обладает огромной властью. В этом смысле моя книга, помимо всего прочего, еще и политический проект — она является попыткой выявить и исследовать не всегда очевидные рычаги власти.

«Лично я не считаю свою попу привлекательной. Меня смущает, что она такая большая, — сказала мне белая женщина лет тридцати пяти. — Боюсь представить себе, что в моей жизни появится человек, который будет знать, как она на самом деле выглядит. Но мужчины часто давали понять, что им моя попа нравится. С юных лет я знала, что она привлекает самых разных парней. Не всех; худые белые мужчины к ней равнодушны»².

«Если бы я была белой, я бы, вероятно, думала, что у меня классная попа, — говорит темнокожая женщина за пятьдесят с узкими бедрами. — Но попа, как и многие другие мои черты, делает меня словно бы ненастоящей в расовом смысле. Когда я это говорю, люди напрягаются; им кажется, что это проявление ненависти к себе. Но я имею в виду лишь то, что меня с детства считали недостаточно черной».

Еще одна тридцатилетняя белая женщина описывает свое представление об идеальном теле так:

«Андрогинное, насколько возможно, но все-таки женское — с маленькой грудью и узкими бедрами. Дженни Шимицу*». Но привлекают ее женщины с пышной попой: «У моей первой подруги была большая попа. Красивая, есть за что подержаться. Полная противоположность моей. Невозможно устоять!» С недавних пор эта женщина начала сомневаться в своем идеале женского тела: «Я стала задумываться о том, не является ли мой идеал выражением внутренней мизогинии. Почему он настолько близок к сексистским нарративам?»

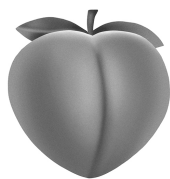
Американка китайского происхождения лет двадцати с небольшим характеризует свою попу как «выделяющуюся» на ее «плоском, как доска», теле. Но она же говорит мне: «Я всегда удивляюсь, когда мою задницу оценивают как сексуальный объект. Наверное, я боюсь, что меня считают привлекательной из-за полудетской фигуры. Мне интересно, не является ли влечение ко мне некой разновидностью педофилии, [если] любое проявление эротического интереса к моей персоне обусловлено сексуальной привлекательностью образа школьницы». Девушка никогда не делилась этими мыслями с партнером, но они всегда сопровождают ее.

В ходе исследования я снова и снова поражалась тому, сколько разнообразных значений может приписываться попе. И тем не менее часть женщин, которых я интервьюировала, рассказали похожие истории о своем пути к пониманию собственного тела.

* Дженни Шимицу (р. 1967) — американская актриса японского происхождения.

Одних матери, бабушки и тетушки учили скрывать его. Других, наоборот, радоваться своим округлостям. Кэтколлинг и дразнилки в средней школе указывали девочкам на их место в мире. Почти у каждой женщины, независимо от размера и формы ее попы, был наготове печальный рассказ из примерочной — рассказ о чувстве невозможности подобрать себе подходящие брюки.

Обычно попа побуждает нас отвернуться, краснея от стыда, похихикать и закатить глаза. Начав писать эту книгу, я задалась вопросом: что будет, если я, напротив, обращу на попу все свое внимание, если я исследую ее прошлое и задам специалистам и энтузиастам всех мастей — ученым, драг-квинам, инструкторам по танцам, историкам и архивистам — серьезные вопросы о том, что такое попа и что она означает. По ходу этого исследования я сталкивалась с историями гнева, угнетения, страсти и радости. И обнаружила, что наши тела всегда заключают в себе память о прошлом.

Происхождение

Мышцы

Если бы вы оказались в Кении у засушливых берегов озера Туркана 1,9 млн лет назад, вы могли бы встретить первого известного нам гоминида, обладавшего попой¹. Это существо было больше похоже на современного человека, чем на обезьяну². Нос у него выдавался на лице и представлял собой хрящевой выступ, а не просто две дырки в голове. Лицо было плоским, с костистым надглазничным валиком и покатым лбом, глаза смотрели прямо. Гоминид умел ходить и бегать на двух ногах. И от тазовых костей к обоим бедрам у него тянулись выступающие ягодичные мышцы — плоть, образующая основу круглого, сильного зада.

Местность, в которой обитал этот гоминид, очень напоминала современную африканскую саванну с редкими деревьями и открытыми травянистыми равнинами³. Она относительно недавно сменила пышные, густые джунгли, где миллионы лет жили предки гоминида. Их строение было приспособлено к древесному образу жизни: ловкие, гибкие ноги и стопы, предназначенные для лазания по ветвям, обезьяноподобная морда, волосатое тело и огромные

челюсти, которые позволяли перемалывать большое количество растительной пищи⁴. Попа у них была маленькой и плоской — ее и попой-то не назовешь. Но к тому времени, когда на сцену вышел интересующий нас представитель вида *Homo erectus*, тела гоминид уже приспособились к новому, равнинному месту обитания. Чтобы выжить в саванне, крупные ягодичные мышцы были необходимы.

Тысячелетия спустя, летом 1974 г., Бернард Нгенео медленно шел по тому же восточному берегу озера Туркана, пристально вглядываясь в темную песчаную почву⁵. Он был членом исследовательской группы, которую вместе с коллегами ласково называл «банда гоминид»⁶. В нее входили кенийцы, сотрудничавшие с экспедициями Ричарда Лики, знаменитого палеонтолога и защитника окружающей среды с неоднозначной репутацией. Члены «банды» были известны своим умением находить ископаемые человеческие останки, глубоко вмурованные в породы или затерявшиеся среди других костей и раковин. Буквально за два года до того Нгенео обнаружил под кучей окаменелых костей животных череп, который, как оказалось, принадлежал представителю ранее неизвестного вида рода *Homo*.

Нгенео устремил пристальный взгляд на скалу, покрытую галькой и окаменелыми ракушками, — миллионы лет назад здесь располагалось дно древнего озера⁷. Из породы выступало что-то многообещающее. Присмотревшись, Нгенео понял, что снова не ошибся. Он нашел окаменелость KNM-ER 3228 — правую тазовую кость, все, что осталось от самца гоминида, ходившего по берегам озера Туркана 1,9 млн